

Татьяна Осина

Тайна Тисульской принцессы

18+

Татьяна Осина

Тайна Тисульской принцессы

«Автор»

2026

Осина Т. Г.

Тайна Тисульской принцессы / Т. Г. Осина — «Автор», 2026

Легенды удобны тем, что ими можно прикрыть почти всё. История Тисульской принцессы много лет жила как красивая и страшная сказка. Но когда одна цепочка случайностей приводит героев к следам того, что никогда не должно было всплыть, становится ясно: за этой легендой стоит нечто большее, чем старая находка и местные слухи. Это роман о тайне, которая не осталась в прошлом, о памяти, которой нельзя доверять до конца, и о правде, к которой иногда опаснее приблизиться, чем навсегда от неё отказаться.

© Осина Т. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Пролог. Ларец	7
Глава 1. Бумага и глина	11
Глава 2. Врач	16
Глава 3. Ночь у синей калитки	23
Глава 4. Журнал смены	31
Глава 5. Метка «Л-2»	38
Глава 6. То, что нельзя было вскрывать	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Осина

Тайна Тисульской принцессы

"Они скрыли находку. Потом — людей....."

От автора

История о Тисульской принцессе давно существует на границе между легендой, слухом и коллективной памятью. Её пересказывают как северную загадку, как почти невероятную находку, как сюжет, который слишком странен для официального объяснения и потому обречён жить в полумраке недосказанности. Именно эта зыбкость и стала для меня отправной точкой. Мне было важно не просто использовать известный миф как атмосферную деталь, а предположить, что в какой-то момент он перестал быть мифом и стал закрытым фактом.

В этой книге я исхожу из допущения, что Тисульская принцесса была не просто обнаружена, а сразу изъята из открытого научного поля для закрытого изучения. Её не передали обычной исследовательской среде, не оставили в пространстве публичного знания и не позволили истории развиваться естественным путём. Напротив, находку скрыли, засекретили, вывели в особый контур доступа и превратили в объект, вокруг которого постепенно начала формироваться целая система. Именно это решение — не рассказать, а спрятать; не исследовать открыто, а присвоить — и становится в романе той первой точкой, из которой затем вырастает всё остальное.

Поэтому Тисульская принцесса связана с основным делом не символически, а причинно. В моей версии истории именно её изъятие запускает длинную цепь событий: архивы, особые допуски, закрытые маршруты, исследовательские группы, засекреченные программы и, в конечном итоге, объект, где за право прикоснуться к тайне расплачиваются уже не гипотезами, а живыми людьми. То, что начиналось как попытка понять необычную находку, со временем превращается в механизм контроля, в котором тайна больше не принадлежит прошлому. Она становится инструментом настоящего — и именно в этом качестве оказывается по-настоящему опасной.

Мне было важно показать, что страшна не сама загадка. Страшно то, что происходит с ней в руках людей, решивших, будто тайна даёт им право переступать границы. Необъяснимое ещё не является злом. Зло начинается там, где кто-то превращает его в ресурс, в оправдание насилия, в основание для системы, которая постепенно учится называть преступление исследованием, изоляцию — наблюдением, уничтожение — утратой. В этом смысле Тисульская принцесса в романе становится не только источником интриги, но и первым звеном той логики, которая ведёт героев к Северу-12 и ко всему, что скрывается за его стенами.

Эта книга для меня — не только о тайне прошлого, но и о языке, которым настоящее умеет прятать свои преступления. О том, как легко большая загадка превращается в удобную ширму. О том, как миф может годами отвлекать внимание от вполне реального зла. И о том, что иногда главное в расследовании — не только найти истину, но и не позволить системе переписать её на своём, обезличенном языке. Поэтому Тисульская принцесса здесь — не просто легенда и не просто образ. Это начало большой тайны, которая однажды вышла из прошлого и потребовала своей цены в настоящем.

Пролог. Ларец

Сентябрь 1969 года.

Посёлок Ржавчик, Тисульский район.

Ночь перед взрывом всегда пахла одинаково: сырой глиной, угольной пылью и тем металлическим привкусом, который оседает на языке, если долго стоять у кромки разреза и молчать.

К утру ветер сменился. Он тянул с низины холодом, хотя осень только начиналась, и небо над Ржавчиком было ещё не зимнее — серое, рыхлое, как старый войлок. На разрезе работали с тем сосредоточенным равнодушием, которое приходит к людям не от спокойствия, а от привычки. Экскаватор скрипел, вагонетки звякали сцепками, диспетчерша в будке отмечала смену в журнале, а внизу, на уступе, люди казались чёрными фигурками, выпачканными в одной общей жизни.

Александр Карнаухов с утра был не в духе. Ночью опять кашлял младший, жена не выпалась, перед уходом буркнула, что сапоги он в дом ставит как скотина, и он, уже накинув телогрейку, едва не ответил грубее, чем следовало. Не ответил только потому, что мальчишка проснулся и сел на кровати, щурясь в рассвет. В такие минуты становилось стыдно. На работе стыд исчезал быстрее.

— Чего застыл? — крикнул сверху мастер. — После взрыва смотри внимательнее, не в облаках.

— А я и не там, — отозвался Карнаухов.

Он спустился ниже, туда, где после ночных работ порода лежала развороченной, влажной и блестящей, будто у земли содрали кожу. После взрыва всегда оставалась короткая тишина — странная, ненадёжная, как пауза в разговоре перед дракой. Потом всё возвращалось: команды, лязг, ругань, грохот.

Сначала он увидел не сам предмет. Сначала — линию.

Слишком ровную.

На стенке вскрытого пласта, среди чёрного, бурого и серого, проступила бледная кромка, и в ней было что-то неестественное. Не камень. Не дерево. Не железо. Она не ломалась, не крошилась, не вписывалась в окружающую грязь. Будто кто-то когда-то положил в толщу земли аккуратную белую мысль, а потом забыл о ней на сотни лет.

Карнаухов подошёл ближе, присел, рукавицей стёр налипшую угольную жижу и замер.

Под пальцами оказался гладкий холодный край.

— Эй! — крикнул он, не оборачиваясь. — Сюда иди!

Сначала никто не отозвался. Тогда он крикнул ещё раз, уже с тем раздражением, за которым прячется испуг. По уступу застучали сапоги. Подошёл взрывник, за ним машинист, потом мастер. Все смотрели вниз молча, будто боялись первыми назвать увиденное и тем самым сделать его настоящим.

Из породы выступал угол белого ящика.

Нет, не ящика — ларца. Слишком правильные были линии, слишком гладкие стороны. Он сидел в угольном пласте так, словно не был туда вдавлен временем, а был вставлен чьей-то рукой.

— Плиту, может, занесло когда, — сказал машинист неуверенно.

— На этой глубине? — тихо ответил мастер.

Ещё минут через двадцать вокруг находки уже стояли все, кто не должен был здесь стоять. Любопытство в посёлках распространяется быстрее пожара. Кто-то послал за начальником участка, кто-то — за районным милиционером, кто-то уже бежал к конторе, хотя никто толком

не понимал, зачем. Люди спускались и поднимались, окликали друг друга, курили жадно, до фильтра, а белая поверхность в земле становилась всё больше.

Её расчищали осторожно, лопатами уже не били — отскребали. Уголь отступал кусками. Под ним открывался длинный каменный ларец с плотно пригнанной крышкой. Не было ни сколов, ни трещин. Будто его не раздавила толща пласта, не пережевала земля, не выжгло временем. Он просто лежал и ждал, когда о нём снова вспомнят.

— Открывать нельзя, — сказал мастер, но в голосе у него не было власти.

— А если там пусто? — спросил кто-то.

— А если не пусто? — ответили ему.

Эта фраза потом ещё долго будет жить в Ржавчике отдельно от тех, кто её произнёс.

К полудню приехал председатель сельсовета, потом участковый на мотоцикле, потом мужчина из района в сером плаще, которого почти никто не знал в лицо, но все почему-то сразу начали говорить тише. Он спустился к находке без спешки, снял кепку, посмотрел, не задавая лишних вопросов, и первым делом велел убрать всех посторонних. Посторонними, как быстро выяснилось, считались почти все.

Карнаухов остался.

Не потому, что хотел. Просто он был первым, кто это увидел, а значит, уже принадлежал этой истории больше, чем следовало.

Крышку поддели ломом ближе к вечеру. Сначала она будто не желала двигаться. Потом пошла, медленно, с сухим каменным стоном, и в ту же секунду над разрезом стало так тихо, будто даже экскаватор где-то наверху понял: сейчас лучше помолчать.

Изнутри пахло не гнилью, не затхлостью, не смертью.

Пахло чем-то холодным, чистым и слабым, как если бы зимой открыли дверь в пустую церковь.

В ларце лежала женщина.

Именно женщина, а не останки, не кости, не древний прах, которого ждали бы в таком месте. Молодая. Светлолицая. Со светлыми, тяжёлыми волосами, уложенными вокруг головы так спокойно, словно она просто заснула и её не решились разбудить. Ткань на ней была бледной, почти молочной, нездешней — слишком тонкой для шахтёрского взгляда, слишком целой для того, что должно было превратиться в пыль. Жидкость, в которую было погружено тело, едва колыхнулась, когда крышка ушла в сторону.

Кто-то охнул.

Кто-то перекрестился, быстро, зло, украдкой.

Карнаухов смотрел на лицо женщины и чувствовал, как по спине под телогрейкой стекает холодный пот. Больше всего пугало не то, что она была мертва. Пугало другое: она не выглядела мёртвой.

Её веки были сомкнуты так легко, будто она просто устала.

Губы не посинели.

Щёки не провалились.

И под стеклянной, мёртвой неподвижностью лица было что-то почти живое — не движение, нет, а его память.

— Закрывать, — хрипло сказал человек в сером плаще.

Но никто не двинулся.

Тогда он повторил громче:

— Немедленно закрыть.

Один из рабочих попятился. Другой, наоборот, наклонился ближе, словно хотел убедиться, что ему не почудилось. И в этот самый момент женщина открыла глаза.

Позже каждый, кто стоял тогда у ларца, будет вспоминать это по-разному. Один скажет, что глаза были голубые. Другой — серые. Третий поклянется, что веки лишь дрогнули от света.

Четвёртый спустя годы решит, что это вообще был отблеск неба на жидкости. Но в ту секунду назад отшатнулись все.

Карнаухов не отступил.

Сам не понял почему.

Может, потому что ноги отнялись. Может, потому что увидел раньше других то, чего не заметили остальные: на белом, почти прозрачном запястье женщины был тонкий след, тёмный и аккуратный, слишком похожий на прокол иглой.

Не древность.

Не сказка.

Не чудо.

Что-то другое.

Что-то, чего здесь быть не должно.

— Закройте, я сказал! — рявкнул человек в плаще так, что сорвался голос.

Крышку вернули на место с глухим ударом, и только тогда люди задышали. Заговорили сразу все. Кто-то кричал, что видел, как она моргнула. Кто-то требовал врача. Кто-то твердил, что надо звать учёных. Кто-то уже шептал слово «нечистое», хотя ещё час назад смеялся над старухами из посёлка.

К вечеру разрез оцепили.

Приехали машины, каких в Ржавчике раньше не видели: тёмные, тяжёлые, без лишних знаков. Поставили людей по периметру. Начальство бегало с лицами, на которых было написано не удивление, а готовность подчиняться. У рабочих проверяли фамилии. Просили документы. Записывали, кто стоял рядом, кто подходил, кто смотрел, кто трогал. Особенно — кто трогал.

Участковый вдруг стал маленьким и ненужным.

Председатель сельсовета говорил теперь только после паузы.

А мужчина в сером плаще уже не снимал кепку и не смотрел людям в глаза.

Карнаухова отвели в сторону последним.

Солнце опускалось за отвал, и по чёрной земле тянулись длинные тени техники. Временный стол устроили прямо в конторке у въезда. Стакан с мутной водой. Журнал. Лист в клетку. Двое незнакомых. Один писал, другой спрашивал.

— Фамилия.

— Карнаухов.

— Имя, отчество.

Он ответил.

— Кто ещё находился рядом в момент обнаружения?

Он начал перечислять, но его перебили.

— Не торопитесь. Вспоминайте точно.

У пишущего были чистые ногти. Карнаухов почему-то заметил именно это и сразу понял: этот человек не имеет к разрезу никакого отношения. Он не пах потом, соляжкой или угольной гарью. От него пахло табаком и чем-то больнично-чистым.

— Что вы увидели после вскрытия? — спросил второй.

Карнаухов молчал.

— Вы меня слышите?

— Женщину, — наконец сказал он.

— В каком состоянии?

Он хотел ответить: как живую.

Но почему-то сказал иначе:

— Не понял.

Второй мужчина посмотрел на него долго, почти с интересом.

— Вот именно, — произнёс он тихо. — Не поняли. И никому не рассказывайте то, чего не поняли.

Уже стемнело, когда его отпустили. Посёлок жил слухом. В каждом окне был свет. У магазина толпились бабы в платках, мальчишки носились по улице, повторяя чужие страшные слова, старики сидели на лавке и делали вид, что ничего особенного не произошло, а сами не уходили домой, будто боялись пропустить продолжение.

Жена встретила Карнаухова на пороге.

— Что случилось?

Он долго снимал сапоги. Потом выпрямился и вдруг понял, что не знает, с чего начать. С белого камня? С лица в прозрачной жидкости? С того, как на разрезе военные — или не военные, чёрт их разберёт — стали командовать так, будто поселок им принадлежал всегда? Или с того короткого взгляда из ларца, который, возможно, ему просто почудился?

— Ничего, — сказал он.

Жена сразу поняла, что это ложь.

Ночью он не спал.

Ветер бил в ставни. В углу посвистывал чайник, забытый на плите. За стеной кашлял сын. Время от времени по улице проходила машина, и тогда свет фар скользил по потолку, как чужая рука. Ближе к утру Карнаухов всё-таки задремал и увидел во сне разрез — не таким, как днём, а пустым, без людей и техники. Только чёрная выемка в земле и белый ларец посреди неё.

Во сне крышка была открыта.

Женщина сидела внутри, опустив ноги на угольную крошку, и смотрела прямо на него.

— Поздно, — сказала она.

Он проснулся от собственного крика.

В доме было темно, но не совсем. За окном стоял свет. Не лунный, не утренний.

Во дворе работали фары.

Карнаухов подошёл к занавеске и осторожно отвёл край.

У калитки стояла чёрная машина.

Рядом курил человек в сером плаще.

И в этот момент Александр Карнаухов понял главное: то, что нашли на разрезе, не собирались прятать от мира.

Это собирались забрать у людей.

Глава 1. Бумага и глина

Утро в Тисуле начиналось не с солнца, а с печных труб.

Пока свет только собирался над крышами, посёлок уже дышал углём, мокрыми дровами, холодным железом и тем особенным деревенским покоем, в котором всегда скрыта чужая беда. На центральной улице было ещё пусто, только у хлебного стояли две женщины с сумками, да у раймага грузчик, сутулый и злой с недосыпа, вытаскивал ящики, будто наказывал их за собственную жизнь.

Следователь районной прокуратуры Сергей Андреевич Корнеев шёл быстро, не глядя по сторонам. Он не любил опаздывать и ещё больше не любил, когда за ним присылали машину без объяснений.

Машина ждала у крыльца с работающим мотором.

Старенький «газик», заляпанный до дверных ручек, смотрелся так, будто приехал не из райцентра, а прямо из ночной драки с дорогой. За рулём сидел шофёр из исполкома, молодой, ушастый, с лицом человека, которому уже велели молчать.

— Корнеев? — спросил он, хотя и так видел, кого ждёт.

— А кто ещё?

— Просили срочно. На разрез.

Сергей остановился на секунду.

— Что там?

Шофёр пожал плечами, но слишком старательно, чтобы это было правдой.

— Говорят, находка.

— Какая находка?

— Не сказали.

Корнеев посмотрел на серое небо, на грязную колею у дороги, на окна здания прокуратуры, где в этот час ещё никого не было, кроме сторожа и машинистки, приходившей раньше всех. Потом молча сел в машину.

Ехали почти без разговора.

Дорога шла рывками: то гравий, то вязкая глина, то выбитый участок, на котором машину подбрасывало так, что клацали зубы. По обочинам тянулись мокрые кусты, редкие дома, покосившиеся заборы, пустые огороды с чёрной землёй. Дальше начинались отвалы и техника, и воздух менялся — становился гуще, тяжелей, как будто сам район не просто жил углём, а был им набит до отказа.

Корнеев курил в приоткрытое окно и думал о том, что «срочно» в этих местах редко означало что-то хорошее.

Обычно это было одно из трёх: обвал, пьяная поножовщина или тело в овраге.

На разрезе было слишкомлюдно.

Это он понял сразу, ещё до того, как машина окончательно сползла к временной конторке. Люди стояли группами, но не работали. Техника молчала. Несколько мужчин в грязных спецовках курили так жадно, будто от дыма зависело, смогут ли они сейчас не смотреть в одну точку. Чуть поодаль толпились местные — бабы в платках, старики, подростки. Их не гнали, но и не подпускали.

И самое неприятное: здесь уже были чужие.

Не районные. Не шахтные. Не те, кого Корнеев знал по лицам хотя бы приблизительно.

Двое в тёмных плащах стояли у входа в конторку и разговаривали тихо, без жестов. Именно без жестов — это Сергей отметил сразу. Местные люди руками помогают словам. Эти — нет. Один был сухой, седоватый, с неподвижным ртом. Второй моложе, крепче в плечах, с тяжёлым взглядом человека, привыкшего сначала запоминать, а потом спрашивать.

Корнеев вышел из машины и сразу почувствовал, как на него смотрят.

Не как на власть.

Как на того, кого ещё не решили — пускать внутрь или оставить снаружи.

К нему подошёл начальник участка, красный, потный, будто не по осени, а в июльскую жару.

— Сергей Андреевич, хорошо, что вы приехали.

— Что случилось?

Начальник сглотнул.

— На вскрыше... нашли.

— Это я уже понял. Что нашли?

Тот быстро глянул в сторону тёмных плащей и понизил голос:

— Лучше сами посмотрите.

— Протокол осмотра места кто начал вести?

— Никто.

— Почему?

Начальник замялся.

— Ждали... указаний.

Корнеев не ответил, только сжал губы.

Это он не любил больше всего: когда вместо первого действия люди выбирают ожидание. Любая тайна начинается не с преступления, а с паузы после него. С того момента, когда кто-то должен был что-то записать — и не записал.

— Поняты есть?

— Подберём.

— Не подберём, а будут, — сухо сказал Сергей. — И сейчас.

Он уже двинулся к уступу, когда дорогу ему перегородил седоватый в плаще.

Не грубо. Даже вежливо.

— Одну минуту.

— На каком основании? — сразу спросил Корнеев.

Тот смотрел спокойно.

— Не горячитесь. Мы просто хотим сначала уточнить обстоятельства.

— Кто это «мы»?

Мужчина достал удостоверение так быстро, будто делал это много раз, но не настолько долго, чтобы Сергей успел как следует вчитаться. Хватило увидеть герб, тиснение, фото и фамилию, которую память удержать не успела.

Хватило и другого — привычки показывать документ ровно столько, сколько нужно не для ясности, а для впечатления.

— Достаточно? — спросил тот.

— Недостаточно.

Седоватый чуть улыбнулся. Не доброжелательно. Скорее с любопытством.

— Вы следователь прокуратуры?

— Районной прокуратуры.

— Вот и прекрасно. Значит, понимаете, что бывают ситуации, выходящие за пределы обычной компетенции.

— А бывают ситуации, — сказал Корнеев, — где место обнаружения до моего осмотра трогать нельзя. И я бы советовал это помнить.

На миг между ними повисло то самое молчание, в котором мужчины не меряются голо- сом, потому что уже начали меряться правом.

Моложе стоявший рядом впервые заговорил:

— Никто ничего не уничтожает. Вам будет предоставлена возможность ознакомиться.

— Не возможность, — ответил Сергей. — Обязанность.

Начальник участка побледнел ещё сильнее.

Ему, как и всем вокруг, хотелось только одного: чтобы взрослые люди в плащах и при должностях перестали говорить теми голосами, от которых потом кого-нибудь снимают с работы.

Но Корнеев уже понял главное: здесь бояться не находки. Здесь бояться бумаги.

Бояться, кто первым опишет, как именно всё было.

Его всё-таки пропустили.

Уступ уходил вниз широким, изломанным полукругом. Под ногами хрустела порода, влажная после ночной сырости. Внизу стояли двое рабочих с ломami, но теперь держались на расстоянии. У самой вскрытой стены темнела расчищенная выемка, и посреди неё лежал длинный светлый ларец — слишком ровный, слишком чистый для этого места.

Корнеев остановился.

Он ожидал увидеть всё, что угодно: ящик, минерал, обломок старой крепии, чью-нибудь дурную шутку.

Но не это.

Белая поверхность ларца почти не несла на себе следов породы. Она будто отталкивала грязь. Крышка была сдвинута и теперь снова прикрыта, но неплотно, на несколько сантиметров. Ровно настолько, чтобы из щели веяло холодом.

Не ветром.

Именно холодом.

Сергей спустился ниже и присел на корточки. Провёл взглядом по кромке, по сколам породы вокруг, по отпечаткам сапог, которых здесь уже было слишком много.

Испортили место. Все испортили.

Он обернулся:

— Кто первый обнаружил?

Сверху кто-то крикнул:

— Карнаухов!

— Где он?

— Допрашивали.

Корнеев поднялся.

— Кто допрашивал?

Никто не ответил.

Люди отводили глаза. И это было уже хуже любого слуха.

Он наклонился к щели. Внутри что-то едва поблёскивало. Стекло? Вода? Жидкость? Он не мог понять. Только увидел бледный край ткани и что-то, похожее на человеческую кисть.

На секунду ему показалось, что пальцы шевельнулись.

Сергей отшатнулся не резко, почти незаметно, но этого хватило, чтобы почувствовать, как кровь прилила к вискам от злости на самого себя. Он снова посмотрел внутрь, уже внимательнее.

Ничего.

Неподвижность.

Только белая ткань, странная гладкость и тишина вокруг, в которой никто не решался даже кашлянуть.

— Открывали полностью? — спросил он.

— Да, — ответил начальник участка сверху.

— Кто присутствовал?

Снова заминка.

— Рабочие, мастер... потом другие приехали.

«Другие».

Как удобно. Самое страшное слово в советской провинции. Не фамилия, не должность, не подпись. Просто — другие. Те, после которых обычные люди начинают шептаться у печки и не повторяют сказанное днём.

Сергей вытащил блокнот.

— Так. Сейчас по порядку. Нужны двое понятых. Нужен список всех, кто был здесь с момента обнаружения. Пофамильно. Нужна схема участка. И никто больше не подходит к находке без моего распоряжения.

— Это невозможно, — раздался сзади голос седоватого.

Корнеев даже не обернулся.

— Возможно.

— Вы не понимаете характера ситуации.

Теперь он повернулся.

— Так объясните.

Седоватый спускался осторожно, будто не хотел пачкать ботинки. Остановился в двух шагах. Вблизи лицо у него было усталым и старше, чем казалось наверху. Только глаза оставались сухими и точными.

— Мы исходим из интересов государства.

— А я — из уголовно-процессуального порядка.

— Здесь может быть объект, представляющий особую ценность.

— Тогда тем более нужен нормальный осмотр.

— Вам его проведут на другом уровне.

Корнеев некоторое время молчал. Потом спросил:

— Значит, место изымаете?

— Не место. Материал.

— С каким документом?

Седоватый посмотрел на него почти с жалостью.

— Молодой вы ещё, Сергей Андреевич.

Это было сказано негромко, без насмешки, и именно поэтому прозвучало как удар.

Корнеев почувствовал, как внутри медленно поднимается то упрямство, которое не раз уже мешало ему жить спокойно. Не храбрость. Не геройство. Хуже. Профессиональная злость человека, который слишком хорошо знает цену первой записи в деле.

— Молодой, — согласился он. — Поэтому помню, что даже государство любит бумагу. Особенно когда потом надо будет объяснять, кто что вывез, откуда, в чьём присутствии и в каком состоянии.

Седоватый изучал его ещё секунду.

Потом кивнул моложе стоявшему спутнику.

Тот полез во внутренний карман плаща, достал сложенный лист, небрежно развернул. На бланке было несколько строк, печать и подпись. Подать документ не спешили, просто дали прочесть из рук.

Текст был расплывчатый, составленный так, чтобы означать всё и ничего сразу: временные меры, особый порядок, содействие, недопущение распространения сведений.

Юридически это пахло серой водой.

Практически — стеной.

Сергей прочитал и понял, что спорить на уступе бессмысленно. Здесь уже всё решено. Не законом, а тем тихим механизмом, который включается в стране раньше любого закона, если на месте появляются люди, не привыкшие повторять свои фамилии дважды.

Но и отойти совсем он не мог.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я фиксирую, что районная прокуратура поставлена в известность после вскрытия объекта, при нарушении порядка первичного осмотра, с уже изменённой обстановкой места.

Седоватый чуть прищурился:

— Формулировки любите.

— Работу свою люблю.

— Это пройдёт.

— Не уверен.

На этот раз моложе стоявший усмехнулся.

И в эту секунду сверху кто-то закричал.

Не испуганно — сорвано, как кричат люди, увидевшие нечто, чего не могут сразу перевести в слова.

Все головы резко повернулись к краю уступа.

Там, наверху, двое рабочих тащили третьего под руки. Мужчина спотыкался, пытался вырваться, лицо у него было серым, губы дрожали. Сергей узнал по описанию: Карнаухов.

— Пустите! — сипел тот. — Я сам пойду!

— Тихо ты!

— Она не мёртвая! Вы что, не видели?!

Над разрезом повисла мёртвая тишина.

Седоватый выругался сквозь зубы.

Карнаухов дёрнулся сильнее и вдруг вывернулся из рук. Поскользнулся на глине, едва не упал, но удержался и уставился вниз — прямо туда, где стояли Корнеев и люди в плащах.

Глаза у него были безумные не от пьянства и не от истерики. Так смотрят после бессонной ночи, когда страх уже прошёл первую стадию и стал убеждением.

— Спросите у врача! — крикнул он хрипло. — У врача спросите! Она тоже видела!

— Уведите его, — тихо сказал седоватый.

Но было поздно.

Самое важное уже прозвучало.

Врач.

Не шахтёр, не бабка из посёлка, не суеверный сторож. Врач.

Корнеев почувствовал, как внутри вся эта мутная история впервые складывается не в легенду, а в направление. Кто-то видел больше, чем должен был. Кто-то ещё не успел испугаться настолько, чтобы забыть.

— Как фамилия врача? — быстро спросил он.

Никто не ответил.

Карнаухова снова схватили, но он уже не сопротивлялся. Только повторял, будто в лихорадке:

— Она открыла глаза... она открыла глаза...

Сергей смотрел на него и понимал, что к вечеру весь район будет жить этим криком. К ночи — шёпотом. Через день — ложью. А ещё через неделю останутся только две версии: официальная и человеческая. И они, как всегда, не совпадут.

Сверху потянуло сыростью и первым снегом, хотя снега ещё не было.

Корнеев убрал блокнот во внутренний карман, ещё раз посмотрел на щель между крышкой и краем ларца и вдруг ясно понял, что его вызвали сюда не для расследования.

Его вызвали затем, чтобы он присутствовал при исчезновении правды в законной форме.

И именно в этот момент он впервые пожалел, что всё-таки приехал вовремя.

Глава 2. Врач

Районная больница в Тисуле не любила утро.

Ночью она хоть как-то оправдывала своё существование: привозили порезанных, ушибленных, пьяных, детей с температурой, стариков с сердцем. Ночь давала работе смысл. Утро же проявляло всё лишнее: облезлую краску на стенах, скрип половиц, коридор, который пах не медициной, а дешёвым мылом и кипячёной водой.

Вера Николаевна Лаврентьева закрыла журнал ночного дежурства и потеряла переносицу.

Из всех запахов больницы она больше всего не любила запах хлорки по вторникам. Казалось, санитарка Маша нарочно лила её больше именно в этот день, чтобы хоть что-то было «как в городе».

— Всё? — заглянула в ординаторскую медсестра Лида, сутулая, с вечно усталым лицом.
— Передашь по смене?

— Передам, — кивнула Вера. — Двое в перевязочной, один после операции, двое в терапии... Особых — нет.

«Особых» в их понимании означали не диагнозы, а следствие.

Побои.

Нож.

Падение «с лестницы» в отсутствие лестницы.

Таких Вера научилась различать ещё в первые годы работы. Не по синякам — по глазам. Глаза у людей, которых били дома, были другие.

Она уже собиралась снять халат и хоть на пару часов провалиться в горизонтальное положение, когда за окном завывли тормоза.

Звук был узнаваемый: не «скорой», а чужой машины, которую загнали на территорию без привычки. Вера выглянула в коридор. Медсестра Лида уже стояла у окна и тянула занавеску.

— Кто?

— Из района, — ответила та, не оборачиваясь. — Похоже.

Во двор въехал тёмный «уазик», не местный. От него повеяло не бензином, а чем-то более тяжёлым — служебным. Из машины вышли двое в плащах, третий остался за рулём. Плащи были чистые, непривычно гладкие для их посёлка, где одежда обычно принимала на себя следы жизни уже через неделю.

— Опять проверка? — устало спросила Лида.

— Рано ещё для проверок, — ответила Вера. — И слишком много плащей.

Она не любила угадывать по одежде, но за последние годы выучила простую арифметику: если в райбольницу заходят двое вместе и оба не похожи на пациентов, значит, у них есть бумага. А если с ними третий, который не выходит, — значит, есть машина, куда кого-то потом повезут.

Дверь в приёмное отделение распахнулась без стука.

Сначала вошёл запах улицы — влажной глины, топлива, сырой осени. Потом — люди.

— Кто старший по дежурству? — спросил седоватый в плаще.

Голос был ровным, без грубости, но в нём слышалась привычка не повторять вопросы.

— Я, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё быстро, оценивающе, как смотрят не на человека, а на инструмент: годится или нет.

— Фамилия.

— Лаврентьева. Вера Николаевна.

— Врачи ещё есть?

— Хирург на круге, терапевт в отделении. Что случилось?

— Вам нужно выехать. — Он чуть повернулся к спутнику. — Записывайте. Молодой, с толстой тетрадью, достал ручку.

— Фамилия, имя, отчество полностью, — сказал он.

Вера сдержалась, чтобы не выдохнуть отчётливо. Она ещё с интернатуры терпеть не могла, когда её данные записывают до объяснения причины. Как будто человека сначала надо положить в папку, а уже потом говорить с ним.

— Лаврентьева Вера Николаевна. Врач общей практики. Замещаю сегодня дежурного.

— Хорошо, — кивнул седоватый. — Поедете с нами на разрез.

— Зачем врачу на разрез? — спросила она.

— Осмотр. Возможно, потребуется заключение.

— Кого-то травмировало?

Он чуть заметно помедлил.

— Обнаружен... объект.

Слово прозвучало сухо, не по-медицински и не по-шахтёрски. Слово, за которым принято прятать всё, что нельзя назвать прямо: от найденного снаряда до тела.

Вера почувствовала, как внутри поднимается то странное состояние, которое приходит вместо страха, когда ты слишком устал для страхов.

— Мне нужно предупредить главврача.

— Мы уже предупредили, — сказал молодой с тетрадью. — Он в курсе.

Значит, звонили не из больницы.

Значит, вызов уже шел по другой линии.

Вера сняла халат, замешкалась на секунду, глядя на свою шерстяную кофту — потёртую, с вытянувшимися рукавами. Как-то нерешительно спросила:

— В этом виде?

— Вы врач. Это достаточно, — ответил седоватый.

Во дворе ветер был колючим.

Она села на заднее сиденье «уазика», между двумя пустыми местами, почувствовала под ногами песок и грязь и вдруг поймала себя на том, что впервые за долгое время не знает, что именно ей следует сейчас почувствовать.

Обычные выезды она понимала: роды, травма, резкая боль. Здесь всё было иначе.

Машина дёрнулась, выехала со двора. Больница осталась позади с её кривыми занавесками, озлобленным холодильником в ординаторской и газетой с прошлогодней датой на столе. Впереди начиналась дорога к разрезу.

— Давно в Тисуле? — спросил молодой, тот, что с тетрадью.

— Пятый год.

— Нравится?

Вера посмотрела на него.

— А на какой ответ у вас бланк предусмотрен?

Он слегка улыбнулся, но записывать не стал.

Седоватый всё ехал молча, глядя вперёд. По тому, как он сидел, Вера поняла, что в машине он ездит часто и давно. Люди, не привыкшие к дороге, всегда хватаются за что-то руками. Этот держался так, будто дорога должна была держаться под ним.

Она попыталась отвлечься на привычное.

Возраст: около пятидесяти. Кожа бледная — значит, большую часть времени в помещении. Ногти короткие, чистые. Руки не рабочего и не крестьянина. Голос без местного акцента. Глаза усталые, но не помутневшие. Ни алкоголика, ни больного она в нём не увидела. Зато увидела другое: тот самый взгляд, который Вера уже не раз встречала у людей в формах и без форм, откуда-то «сверху». Взгляд, в котором всё вокруг делилось на два типа объектов: управляемые и помехи.

Разрез встретил их так же, как утром встретил Корнеева: тишиной там, где должен быть шум.

Только люди успели перемешаться.

Теперь у конторки стояли и шахтёры, и женщины из посёлка, и какие-то новые, в форме, и местный участковый, который старательно делал вид, что командует происходящим, хотя его глаза выдавали, что командуют уже без него.

Веру провели без задержки.

Не потому, что уважали, а потому, что её присутствие нужно было как часть будущей бумаги.

— Осторожно, — предупредили на спуске. — Скользко.

Она и так чувствовала, как глина тянется под каблуками, как по штанам ползёт грязь, как воздух становится тяжелее. Ветер доносил запах угля, сырости и ещё чего-то нового, чего она раньше на разрезах не чувствовала.

Запаха ожидания.

Внизу она увидела ларец.

Больше всего Веру поразило не само его существование — к этому моменту она была готова ко многому, — а то, как он лежал. Спокойно. Чужой. Слишком правильный среди неправильно рваной породы. Будто его положили вчера. Или сегодня утром. Или никогда.

— Подойдите, — сказал седоватый.

Вера подошла.

Крышка была уже на месте. Щель — тонкая, как разрез на коже, ещё не успевший затянуться. Она почувствовала на лице тот самый холод, о котором потом будут спорить все, кто здесь стоял: был ли он или показалось.

— Вы врач, — продолжил седоватый. — Нам нужно, чтобы вы убедились...

Он замолчал, подбирая слово.

— ...что объект не представляет опасности с точки зрения... биологической.

— Если там тело, — спокойно сказала Вера, — опасность в другом.

Он посмотрел на неё с лёгким интересом, как будто до этого момента не был уверен, годится ли она на роль.

— Всё равно нужно, — сказал он. — Мы откроем. Вы посмотрите. Только без лишних эмоций. И никому ничего... преждевременно не рассказывайте.

«Преждевременно» в его устах прозвучало как «никогда».

Двое рабочих, которым явно уже надоело служить ломami при чужих приказах, снова поддели крышку. Она пошла ту же, чем утром, словно за это время успела передумать. Воздух над ларцом сгустился.

Жидкость внутри была прозрачной и холодной на вид.

Вера увидела сначала не лицо.

Сначала — руку.

Женская кисть, бледная, тонкая, с чуть раздвинутыми пальцами, словно она только что отпустила что-то невидимое. Кожа — не мумифицированная, не гнилостная, не расплзающаяся. Просто кожа, в которой почему-то ещё не поселился распад. На запястье — тонкий, тёмный след.

Слишком похожий на след от иглы.

Вера почувствовала, как весь её опыт — институт, интернатура, практика — встаёт на задние лапы против увиденного. Так быть не должно. Так не бывает. Тело так не лежит, кожа так не хранится, кровь так не сдаётся.

Она посмотрела на лицо.

Лицо было спокойным.

Не красивым в привычном смысле, не «царственным», как потом будут писать в газетах, не сказочно-идеальным. Просто человеческим. Молодым. С сомкнутыми веками, с мягкой линией рта, с веком, на котором виднелась едва заметная синеватая прожилка.

— Ну? — спросил седоватый.

Голос его был ровным, но Вера услышала за ним то же, что слышала у родственников в морге: страх получить подтверждение своей худшей догадки.

Она наклонилась ближе.

«Ищем признаки жизни», — автоматически сказал внутренний врач.

«Ищем признаки того, что здесь вообще возможно назвать жизнью», — поправила она себя.

Никаких дыхательных движений. Никакой пульсации поверхностных сосудов. Никакой мышечной активности. Зрачки под веками, конечно, не увидеть. Но цвет губ, цвет кожи, отсутствие характерных посмертных пятен...

Она бы сказала «последние часы».

Но какие последние часы могут быть у тела, найденного в угольном пласте на глубине, где ей раньше приходилось только ставить подписи под актами «без признаков жизни, давность смерти не менее...»?

Вера почувствовала, как сзади на неё смотрят.

Не только шахтёры, не только люди в форме, но и тот самый, седоватый. Это был не профессиональный взгляд, не живой интерес врача к сложному случаю. Это был взгляд человека, который проверяет, что его версия мира выдерживает столкновение с чужими глазами.

Именно в этот момент веки у женщины дрогнули.

Совсем чуть-чуть.

Как бывает, когда человек во сне пытается отогнать свет.

Вера выпрямилась так резко, что никому не понадобилось спрашивать, «показалось» ли ей. Она сама увидела свой жест со стороны: это был жест не врача, а человека, которого сейчас выдернули из привычного.

— Вы видели? — спросил кто-то.

— Тихо, — резко сказал седоватый.

Он тоже видел.

Это было написано у него в глазах, которые на мгновение потеряли сухость и стали просто человеческими. Только он был тренированнее. Его жест был чуть медленнее, его дыхание не сорвалось.

— Это... реакция, — выдавил молодой с тетрадь. — Так бывает. Мышечное.

«Не бывает», — сказал внутри неё врач.

Но вслух Вера ничего не сказала.

Она снова наклонилась, уже из упрямства. Вглядывалась до боли в глазах. Веки женщины оставались неподвижными. Лицо — таким же. Жидкость — спокойной.

— Закрывайте, — тихо сказала она.

— Закрывать рано, — возразил седоватый. — Нам нужно заключение.

— Я его дам. Но не здесь.

Он прищурился.

— Вы что-то заметили?

Вера посмотрела на него прямо.

— Я заметила, что вы уже решили, что я должна заметить.

На секунду воздух стал густым, как перед грозой.

Потом мужчина в плаще чуть отвёл взгляд.

— Я решил только одно, — сказал он. — Что в таких случаях не стоит распространяться лишний раз. Вы врач. Вы понимаете ответственность за слова.

Ответственность за слова она понимала лучше многих. Вера уже видела, как одна неверная формулировка в справке превращала побои в «упало», сильный ушиб в «незначительную травму», а попытку самоубийства — в «бытовую неосторожность».

Теперь же от неё хотели ещё большего: превратить невозможное в неописанное.

— Мне нужно измерить температуру, — сказала она. — Посмотреть кожные покровы вне жидкости. Оценить зрачковую реакцию. Это минимум. Если вы хотите, чтобы я приняла участие в вашей легенде, хоть легенду сделайте правдоподобной.

Седоватый несколько секунд молчал. Потом коротко кивнул.

— Приборы здесь?

— Это же шахта, — вмешался кто-то сверху. — Какие приборы? У нас термометр стеклянный в медпункте, и тот Мишка вчера разбил.

Вера не удержалась и усмехнулась.

— Я из больницы. У меня есть.

Она достала из сумки стеклянный термометр, фонарик, несколько стерильных салфеток. Всё это выглядело смешно и бессильно рядом с белым каменным ларцом, но другого инструмента у неё не было.

Крышку приоткрыли больше.

Вера осторожно поднырнула рукой под край, чувствуя, как холодная жидкость касается кожи. Холод был не такой, как от высокоградусного спирта или ледяной воды. Скорее вязкий, маслянистый. Как будто её руку опустили в стекло.

Она попыталась нащупать под подбородком женщины нижнюю челюсть, приподнять лицо к свету.

Кожа была упругая.

Не мёртвая.

Не живая.

Другая.

Зрачки на свет фонарика не среагировали.

Температура кожи была ниже нормы, но не настолько, как у трупа из морозильной камеры.

— И?

Голос седоватого висел над её плечом.

— И мне не на что это опереть, — честно сказала Вера. — В моём учебнике такого не было.

— Но вы можете...

— Я могу писать только то, что видела.

Она замолчала, испытывая странное облегчение от этой фразы. В мире, где все вечно чего-то «не видели», быть человеком, который видел и говорит об этом, иногда было единственным способом не сойти с ума.

— Напишите, что признаков активной жизни не обнаружено, — мягко подсказал молодой.

— Это так, — кивнула Вера. — Признаков активной жизни я не обнаружила.

«Но признаков смерти, к которой я привыкла, тоже», — добавила она про себя.

— Вы точно врач? — усмехнулся он.

— К сожалению, — ответила она.

Крышку закрыли окончательно.

Люди вокруг загудели — не громко, но ощутимо. Вера чувствовала на себе десятки взглядов. Те, кто стоял подальше, уже начали перешёптываться, пересказывать тому, кто не успел увидеть, придумывать подробности. Любая неизвестность в маленьком посёлке живёт недолго. Её быстро заменяет чужой рассказ.

Седоватый наклонился к ней ближе.

— Вы дадите письменное заключение сегодня.

— Если успею.

— Вы успеете.

Тон его не допускал возражений.

— И ещё, Вера Николаевна... — он впервые назвал её по имени-отчеству не как формальность, а как инструмент. — Есть вещи, о которых полезно забывать. Особенности мимики, дрожание век, ваши личные впечатления. Вы же понимаете: наука не любит лишних эмоций.

— А вы? — спросила она.

Он чуть улыбнулся.

— А мы любим порядок.

Это слово — «порядок» — Вера уже слышала в самых разных устах: от главврача, прячущего дефицит, от заведующей аптекой, «списывающей» лекарства, от мужа женщины, которую она зашивала ночью, пока та говорила, что «сама упала на нож».

Теперь оно прозвучало здесь, на уступе, у белого ларца.

И впервые показалось ей не бытовым, а страшным.

Когда она вернулась в больницу, было уже ближе к вечеру.

В коридорах пахло всё тем же мылом и хлоркой, пациенты жаловались на всё те же боли, медсестра Лида всё так же бегала с подносом. Казалось, день в больнице прожил сам себя и почти не заметил её отсутствия.

Но внутри у Веры что-то сдвинулось.

Она села в ординаторской, открыла чистый лист и начеркала сверху: «Справка».

Рука автоматически вывела привычное: «Осмотрено...» — и дальше фамилия, которую никто не знал. Она остановилась. Легко было бы написать «неизвестная женщина», приблизительный возраст, примерный рост, состояние кожных покровов. Но в слове «неизвестная» уже пряталось то, с чем она была не согласна.

Кто-то ведь знал.

Кто-то когда-то произносил её имя. Кто-то трогал её за руку не через стерильную салфетку. Кто-то, возможно, ждал её дома.

Она заменила «неизвестная» на «женщина, личность не установлена».

Слова были такими же бессильными, но ей от этого стало чуть легче.

Дальше всё пошло привычно: «на момент осмотра признаков дыхания, сердечной деятельности, зрачковой реакции не выявлено...» Она честно перечислила всё, что не увидела. А то, что увидела — отсутствие гнилостных изменений, аномальное состояние кожных покровов, след в области запястья, — зафиксировала так, как позволяла совесть и язык.

В дверь постучали едва слышно.

— Вера Николаевна?

Она подняла голову.

На пороге стоял Сергей Корнеев.

Он выглядел уставшим и злым — в той самой комбинации, которая редко приносит людям спокойную жизнь, но иногда приносит правду.

— Можно?

— Заходите.

Он сел на стул напротив, посмотрел на чистый лист, на её лицо, на руки.

— Вы там были, — сказал он, не спрашивая.

— Я там была.

— И?

Вера смотрела на него и понимала, что сейчас делает выбор не между «сказать» и «про-молчать».

Сейчас она выбирала, кому именно она готова доверить свои слова: бумаге, которая уйдёт в чью-то папку, или человеку, который, возможно, всё равно ничем не сможет помочь, но хотя бы услышит.

— Я напишу в заключении всё, что должна, — ответила она. — А вам могу сказать одно: если это мёртвое тело, то оно не похоже ни на одно из тех, что я видела за всю жизнь.

— А если живое?

Она вспомнила дрожание век.

— Тогда оно похоже на то, чему не дали до конца умереть.

Сергей кивнул.

Молча, тяжело, как кивают люди, которые только что получили не ответ, а ещё один вопрос.

— Они вывозить будут сегодня, — сказал он. — Ночью, скорее всего.

— Куда?

— Сказали — в область.

Оба понимали, что это может означать что угодно: от обычной перевозки в морг до исчезновения без следа под грифом «секретно».

— Вы видели, как она... — он запнулся, будто ему самому было неудобно произносить это простое слово, — как она открыла глаза?

Вера посмотрела в окно.

На дворе кто-то тряс коврик, дети катали мяч по грязи, собака лениво чесала ухо. Жизнь за стеклом была настолько обычной, что на фоне её белый ларец, угольный пласт и чужие плащи казались уже чужим сном.

— Я видела, как дрогнули веки, — сказала она. — Это всё, что я могу сказать как врач.

Он выдержал паузу.

— А как человек?

Она задумалась.

— Как человек... — Вера чуть улыбнулась, но в улыбке не было ни капли веселья. — Как человек я думаю, что есть вещи, которые лучше не будить, если не знаешь, что потом с ними делать.

Сергей поднялся.

— Вас уже просили молчать? — спросил он на выходе.

— Да.

— И?

— И я давно заметила: когда меня просят молчать, это значит, что говорить надо очень осторожно, но не обязательно — совсем перестать.

Он тоже улыбнулся.

Настоящей, усталой улыбкой человека, который нашёл в этом дне хоть одну родственную душу.

Когда дверь за ним закрылась, Вера дописала последние строки, поставила подпись и дату. Потом долго смотрела на бумагу, понимая, что с этого момента она уже не принадлежит ей.

Она принадлежит делу, о котором никто ещё не знает номера.

И женщине в каменном ларце, которую кто-то очень старается сделать легендой, прежде чем кто-то другой успеет назвать её по имени.

Глава 3. Ночь у синей калитки

После разговора с Верой Лаврентьевой Корнеев долго не выходил из больницы.

Он стоял в полутёмном коридоре у окна, где между рамами уже собралась осенняя влага, и смотрел на двор, в котором не происходило ничего важного. Санитарка вытряхивала половики. Двое мальчишек катили велосипед без колеса. Пожилая женщина в платке сидела на лавке с пустой банкой в руке и ждала, когда кто-нибудь из родственников вынесет ей компот. Мир снаружи был настолько обычным, что всё случившееся на разрезе казалось не частью этого мира, а его болезненным разрывом.

Но именно в таких местах, как Тисуль, правда никогда не исчезала целиком. Она просто очень быстро меняла облик. Днём она была криком рабочего у вскрытого пласта. К вечеру становилась шёпотом в очереди за хлебом. К ночи — страхом в доме, где гасили свет раньше обычного.

Корнеев вышел на улицу и поднял воротник пальто.

Холод усилился. Воздух пах дымом, мокрой землёй и первым обещанием зимы. Сергей шёл быстро, без видимой спешки, но внутри всё уже было натянуто, как проволока. Ему нужен был Карнаухов. Не потому, что тот был самым надёжным свидетелем. Напротив — свидетели, которых успели напугать, часто ломались первыми. Но именно Карнаухов увидел ларец первым. Первый взгляд — самая опасная улика. Его нельзя подменить протоколом, если человек успел осознать, что увидел.

По дороге он зашёл к участковому.

Павел Ильич сидел в своём кабинете с видом человека, которому рабочий день давно кончился, но служба об этом не знает. На столе перед ним лежали раскрытая тетрадь, пепельница и недопитый чай в стакане с подстаканником. Кабинет пах махоркой, сырой формой и старыми бумагами.

— Опять ты, — сказал участковый, когда Корнеев вошёл. — Не любишь хорошие вечера.

— У нас сегодня ни у кого их нет.

Павел Ильич хмыкнул и кивнул на табурет.

— Садись. Что надо?

— Карнаухов.

Участковый не переспросил. Видимо, ждал именно эту фамилию.

— Южная улица, третий дом после колонки. Синие ставни, кривая калитка. Жена Нина. Ребёнок маленький. Живут тихо. Скандалов не было, приводов не было, пьёт как все — по праздникам и не до свинства.

— К нему уже ездили?

— Ездили.

— Кто?

Павел Ильич вздохнул так, будто устал не за день, а за все годы службы.

— Сергей Андреевич, есть вопросы, на которые отвечают словами. А есть такие, на которые лучше не отвечать, если не хочешь потом эти слова повторять в другом кабинете.

— Мне всё равно придётся.

— Тогда скажу так: машина не наша. И люди не мои.

Корнеев кивнул.

— Значит, еду к нему.

— Один?

— Один.

Участковый посмотрел на него внимательно, с той смесью уважения и раздражения, которая бывает у старших к молодым упрямым.

— Если увидишь у дома чужую машину — не ломись. Они только выглядят как люди, которые разговаривают. На самом деле они проверяют, кто готов испугаться первым.

— А если не испугаюсь?

— Тогда запомнят.

Корнеев поднялся.

— Уже, думаю, запомнили.

— Это-то и плохо, — тихо сказал участковый.

Южная улица начиналась там, где посёлок будто терял уверенность в собственном существовании. Дома становились ниже, темнее, заборы — кривее, пустырей — больше. Вечером здесь особенно ясно было видно, как бедность и тишина живут рядом, не ссорясь. Свет в окнах загорался рано. У колонки блестела чёрная лужа. Где-то во дворе глухо лаяла привязанная собака.

Ещё издалека Корнеев увидел машину.

Она стояла у самой калитки Карнауховых, чёрная, тяжёлая, без опознавательных знаков, с выключенными фарами. В таких машинах было что-то особенно неприятное: они не пытались понравиться, не обещали порядка, не изображали государство. Они просто приезжали.

Сергей замедлил шаг.

У машины стояли двое. Один курил, второй держал руки в карманах плаща и смотрел на дом так, словно ждал, когда тот сам решит открыть дверь. Свет в окнах Карнауховых горел. На занавеске иногда двигалась тень.

Корнеев отошёл в сторону, к старой бане через два двора, и несколько минут просто наблюдал. Ему нужно было понять, разговаривают ли, дают ли, уже заходили ли внутрь. Он видел достаточно, чтобы не сомневаться: приехали не для формальности. Ожидание у калитки было слишком спокойным, слишком уверенным. Так ждут не ответа, а момента, когда человек сам выйдет.

Дверь дома открылась.

На крыльцо вышел Карнаухов. Без шапки, в расстёгнутом пиджаке, накинутом поверх нижней рубахи. Он стоял неловко, как человек, которого выдернули из собственного дома не за рукав, а одной только чужой волей.

— Я уже всё сказал, — донёсся его голос.

Тот, что курил, бросил окуроч в грязь и наступил на него каблуком.

— Значит, скажете ещё раз.

— Ночью?

— Если требуется — ночью.

— У меня ребёнок спит.

— Тем более не стоит шуметь.

Корнеев сделал выбор ещё до того, как успел обдумать последствия. Вышел из тени и пошёл к калитке ровным шагом, будто пришёл сюда по совершенно обычному делу.

— Добрый вечер, — сказал он. — Александр Егорович Карнаухов?

Все трое обернулись.

На лице Карнаухова так быстро мелькнула надежда, что Сергею стало не по себе. Взрослый мужчина не должен смотреть на следователя как на спасение. Обычно это кончается плохо для обоих.

— А вы кто? — спросил один из мужчин у машины.

— Следователь районной прокуратуры Корнеев.

Он показал удостоверение. Не спеша, без суеты, чтобы каждое движение выглядело законным и привычным.

Мужчина в плаще взглянул, но не придвинулся ближе.

— Поздно для визитов, товарищ следователь.

— Для некоторых разговоров — как раз вовремя.

— У нас служебная беседа.

— У меня тоже.

Карнаухов переводил взгляд с одного на другого и молчал.

Женская фигура возникла в дверях дома — Нина, жена. Она придерживала ворот халата у горла и смотрела так, будто уже знала: никакой обычный вечер в этом доме сегодня не вернётся.

— Я должен взять у свидетеля объяснение, — сказал Корнеев.

— Свидетель уже объяснился, — ответил второй, тот, что до этого молчал.

Голос у него был низкий, тусклый, без интонаций. Голос человека, давно привыкшего, что ему не задают лишних вопросов.

— Мне — нет, — сказал Сергей.

— Это можно сделать завтра.

— Завтра многое уже будет поздно.

На миг между ними повисла тишина.

Корнеев понял, что сейчас решается не формальность, а граница. Пропустят — значит, пока не хотят открытого конфликта. Не пропустят — значит, боятся даже разговора при свидетеле.

Первый мужчина чуть усмехнулся:

— Хорошо. Беседуйте. Мы не препятствуем.

Фраза была вежливой, но в ней отчётливо слышалось другое: мы всё равно останемся рядом.

— Во двор можно? — спросил Сергей у Карнаухова.

Тот молча кивнул и отступил.

Калитка скрипнула слишком громко. Во дворе пахло золой, влажными досками и варёной картошкой. Такие дворы Корнеев знал с детства: дрова под навесом, ведро у стены, верёвка для белья, старая детская лопатка, забытая у крыльца. В этих мелочах всегда было что-то беззащитное. Любая государственная тайна особенно грязно смотрится на фоне детской лопатки.

В доме жарко топили. В сенях стояли сапоги, на кухонном столе лежал хлеб, рядом — эмалированная кружка с остывшим чаем. В углу, на узкой кровати, спал мальчик. Он дышал глубоко, раскинув руки, и не знал, что этой ночью взрослые уже начали проигрывать.

Нина закрыла дверь плотнее, но не до конца. Видимо, сама себе оставила возможность слышать двор.

— Говорите быстро, — сказал Карнаухов. — Они ждут.

— Что вы увидели в ларце? — спросил Корнеев.

— Женщину.

— Это уже есть. Что ещё?

— Больше ничего.

— Александр Егорович.

— Я сказал — ничего.

Сергей смотрел на него и видел, как быстро страх превращает человека в плохого свидетеля. Не потому, что тот хочет врать. Потому что мозг начинает спасать хозяина, стирая края увиденного. Сегодня Карнаухов ещё помнил. Завтра уже сможет сам себя убедить, что ничего не было.

— Вы кричали на разрезе, — тихо сказал Корнеев. — Вы сказали: «Она не мёртвая». Почему?

Нина резко посмотрела на мужа.

— Саша?..

Он отвёл глаза.

— Я не помню.

— Помните.

— Не помню.

— Был след от укола?

Карнаухов замер.

Вот это попало точно.

Корнеев увидел, как у того дрогнула щека, как пальцы правой руки непроизвольно сжались, как будто снова ощущали тот момент у ларца.

— Какой укол? — спросил шахтёр, слишком медленно.

— Такой, который вы заметили на запястье.

Нина отступила на шаг и оперлась ладонью о стол.

— Господи... Саша, что ты видел?

Он долго молчал.

Потом глухо сказал:

— Был след. Тонкий. Как в больнице. Не царапина. Не грязь. Укол.

— А глаза? — спросил Корнеев.

На этот раз Карнаухов посмотрел прямо на него. И в глазах было не только напряжение, но и злость. Не на следователя. На самую необходимость помнить.

— Мне показалось, — прошептал он.

— А сначала?

— А сначала не казалось.

Нина перекрестилась быстро, машинально, будто сама испугалась своего жеста.

— Она живая была? — спросила она так тихо, что почти не услышала собственных слов.

— Не знаю! — вдруг резко ответил Карнаухов. — Вот этого я уже не знаю! Поняла? Не знаю!

Мальчик на кровати заворочался, что-то пробормотал во сне. Все трое сразу замолчали.

С улицы донёсся кашель одного из тех, кто ждал у машины.

Корнеев понизил голос ещё больше:

— Кто вас допрашивал первым?

— Не знаю.

— Фамилию называли?

— Нет.

— Что спрашивали?

— Кто был рядом. Кто трогал. Кому рассказал. Не писал ли кому в область. Есть ли родственники в Кемерове. Бывал ли раньше на других разрезах. Знаю ли кого в Москве.

— В Москве? — переспросил Корнеев.

— Да.

— И что вы ответили?

— Что никого не знаю.

— Правильно ответили.

Карнаухов криво усмехнулся.

— А у меня был выбор?

Нина подошла ближе.

— Они его забрать хотят? — спросила она.

Корнеев посмотрел на неё. В глазах этой женщины не было истерики. Только предчувствие. Самое точное и самое бесполезное знание в маленьких посёлках.

— Пока не знаю.

— А если захотят?

— Требуйте бумагу. Повестку. Направление. Любой документ.

Карнаухов коротко покачал головой.

— Вы сами-то верите, что такие люди ездят с бумажками?

— Нет, — честно сказал Сергей. — Но потом мне нужно будет знать, где именно началась ложь.

Эта фраза, кажется, дошла до Нины лучше, чем до мужа.

— Если ночью приедут снова, я запомню лица, — сказала она.

— Уже запоминайте, — ответил Корнеев.

— Я их и так запомнила.

Карнаухов вдруг сел на табурет у стены, тяжело, как старик, хотя был ещё не стар. Провёл ладонью по лицу.

— Они не за словами приехали, — сказал он глухо. — Понимаете? Не за словами. Они хотят, чтобы я сам перестал верить тому, что видел.

Это было сказано так точно, что у Корнеева на секунду перехватило дыхание.

Вот она, настоящая работа страха. Не заткнуть человеку рот. Сделать так, чтобы он добровольно усомнился в себе.

— Послушайте меня, — сказал Сергей. — Если вас ночью вызовут, не соглашайтесь сразу. Тяните время. Скажите, что плохо, что ребёнок болеет, что жена одна. Что угодно. И если вас всё-таки увезут, Нина сразу идёт ко мне. Сразу, как только рассветёт.

— А если не рассветёт? — спросил Карнаухов.

Сергей посмотрел на него внимательно.

— Рассветёт, — сказал он. — Вопрос только в том, кто его встретит дома.

На улице хлопнула дверца машины.

Все трое вздрогнули.

Нина резко повернулась к окну.

Корнеев встал.

— Я пойду, — сказал он. — Иначе они решат, что мне здесь слишком интересно.

У двери Нина остановила его за рукав.

— Вы правда верите, что сможете помочь?

Вопрос был задан без упрёка. Почти спокойно. Именно поэтому Сергей не стал врать.

— Не знаю, — ответил он. — Но если сейчас не начать записывать всё по-человечески, завтра от этой истории останется только чужая версия.

Она кивнула.

— Тогда пишите быстрее.

На крыльце было холоднее, чем он ожидал. Воздух за это время ещё остыл. Машина у калитки стояла так же неподвижно, как прежде. Двое мужчин не сдвинулись с места, но теперь смотрели уже не на дом, а на него.

— Поговорили? — спросил один.

— Поговорили.

— И как впечатление?

— Свидетель устал.

— Усталость проходит.

— Не у всех.

Мужчина чуть склонил голову, будто принял ответ к сведению.

— Доброй ночи, товарищ следователь.

— Ночь ещё не закончилась.

— Именно.

Корнеев вышел за калитку и пошёл по улице. Он чувствовал спиной взгляды и понимал: оборачиваться нельзя. Нельзя показывать, что он уже считает эту тишину опасной.

Только за углом, в тени старого сарая, он остановился.

Фары машины по-прежнему были погашены. Но сама она не уехала.
Сергей ждал.

В такие минуты особенно ясно понимаешь разницу между должностью и властью. Должность даёт право задавать вопросы. Власть — право ждать, пока ответы сами выйдут из дома.

Через несколько минут дверь машины открылась. Один из мужчин направился к калитке. Не торопясь. Не скрываясь. Как человек, который знает: второй раз в одну и ту же дверь стучат уже не как посторонние.

Корнеев шагнул было вперёд — и остановился.

Если он вернётся сейчас, получится открытый конфликт. Крик на улице, свидетели в окнах, риск, что Карнаухова увезут уже не тихо, а демонстративно. Возможно, именно этого и добиваются: чтобы молодой следователь полез напролом, дал повод отстранить его от дела и объяснить всё «эмоциональностью».

Но остаться в стороне значило смотреть, как чужая воля входит в дом.

Он простоял в тени несколько мучительных секунд.

Потом быстро пошёл назад — не к дому, а к углу улицы, где стояла телефонная будка. Стекло в ней было треснуто, дверь закрывалась плохо, внутри пахло железом и пылью. Корнеев сунул монету, набрал номер участкового.

Долго никто не отвечал.

Потом в трубке щёлкнуло.

— Да.

— Павел Ильич, они у Карнаухова. Снова входят в дом.

— Сколько их?

— Двое. Машина на месте.

Участковый молчал так долго, что Сергей уже решил: связь оборвалась.

— Я сейчас выйду, — сказал тот наконец. — Но слушай меня внимательно. Один ты там ничего не сделаешь. Не лезь в драку. Понял?

— Понял.

— Не геройствуй, Корнеев.

Связь оборвалась.

Сергей выскочил из будки и почти бегом вернулся к дому.

Калитка была распахнута.

Это он увидел сразу.

Во дворе горел свет, дверь в сени тоже была открыта. На улице никого. Машина стояла у дома с заведённым мотором. Один из мужчин уже сидел за рулём. Второй выходил с крыльца. За ним, неуверенно ступая, шёл Карнаухов.

Без пальто.

Без шапки.

С таким лицом, будто его не били, не тащили, не ломали — а просто сказали нечто такое, после чего человек сам перестаёт понимать, есть ли у него право отказаться.

— Александр Егорович! — крикнул Корнеев.

Все обернулись.

Нина выскочила на крыльцо следом за мужем, босиком, в одном халате.

— Саша! Саша, не ходи!

Ребёнок заплакал в доме.

Мужчина в плаще остановился и посмотрел на Сергея почти устало.

— Товарищ следователь, — сказал он, — вы мешаете.

— На каком основании вы его забираете?

— Он едет дать дополнительные объяснения.

— Где документ?

— Документ будет.

— Сейчас!

Карнаухов перевёл взгляд с одного на другого. Губы у него дрожали.

— Всё нормально, — сказал он жене так, будто повторял чужую фразу. — Я скоро.

— Не поедешь! — крикнула Нина и вцепилась ему в рукав. — Саша, не поедешь!

Мужчина в плаще даже не повысил голос:

— Гражданка, не устраивайте сцену при ребёнке.

Эта холодная вежливость подействовала хуже крика. Нина отшатнулась так, словно её ударили.

Корнеев шагнул к калитке.

— Я требую предъявить основание.

— Требуйте утром, — ответил тот.

— Сейчас.

— Сейчас у вас нет полномочий препятствовать.

— А у вас?

В этот момент из темноты наконец появился участковый — быстро, тяжело дыша, без фуражки, в наспех застёгнутой шинели.

— Что здесь происходит? — рявкнул он с той показной громкостью, за которой всегда прячут испуг.

Но было уже поздно.

Карнаухова усадили в машину почти мягко, без борьбы. Именно эта мягкость и была страшнее всего. Если человека хватают, он потом хотя бы может сказать, что сопротивлялся. А если уводят тихо, остаётся ощущение, будто он сам согласился.

Нина кинулась к дверце, но участковый успел перехватить её за плечи.

— Не надо! — хрипло сказал он. — Не надо, Нина!

Машина тронулась.

Корнеев сделал два быстрых шага вперёд, но фары ударили в лицо так резко, что он невольно заслонился рукой. Чёрный кузов качнулся на ухабе, вырулил мимо колонки и ушёл в темноту улицы, оставив после себя дым, грязь и ощущение, что дом стал пустым раньше, чем закрылась дверь.

Несколько секунд никто не двигался.

Плакал ребёнок.

Нина стояла у распахнутой калитки, босая, с растрёпанными волосами, и смотрела вслед машине так, будто ещё надеялась, что та сейчас остановится и всё это окажется обычной служебной ошибкой.

Потом очень медленно повернулась к Корнееву.

— Вы же были здесь, — сказала она.

Не с обвинением.

Хуже — с изумлением.

Как будто сама не понимала, как можно быть здесь и всё равно не суметь остановить.

Сергей не ответил.

Ответа не было.

Участковый снял кепку, которой на нём и так не было, машинально провёл ладонью по голове.

— Номер видел? — спросил он у Корнеева.

— Нет.

— Я тоже.

— Нам и не хотели, чтобы увидели.

Нина вдруг выпрямилась.

Слёзы у неё так и не пошли. Осталась только сухая, жёсткая злость.

— Он мне успел сказать, — произнесла она.

Корнеев резко посмотрел на неё.

— Что?

— Перед тем как сесть. Очень тихо. Чтобы я запомнила.

— Что именно?

Она сглотнула.

— «Не ларец. Ищите журнал смены».

Во дворе стало совсем тихо.

Даже ребёнок в доме на секунду перестал плакать, будто сама ночь прислушалась.

Корнеев почувствовал, как внутри всё холодеет уже не от страха, а от ясности. Значит, Карнаухов думал не только о женщине в ларце. Значит, видел или понял что-то ещё. Что-то земное. Бумажное. Такое, что можно было унести, переписать, подменить.

Не чудо.

След.

И именно за это его увезли.

— Нина, — сказал он тихо, — вспомните всё. Каждое слово, каждый взгляд, кто и когда приезжал к дому днём. Ничего не выбрасывайте. Никаких записок, никаких бумаг.

— У нас бумаг нет, — ответила она.

— Теперь будут.

Он посмотрел в сторону, куда ушла машина. Темнота там уже снова стала обычной, деревенской, как будто дорога ничего не видела.

Но Корнеев знал: с этой ночи дело изменилось.

До сих пор у него была легенда о женщине в каменном ларце.

Теперь у него появился пропавший свидетель.

И где-то на разрезе или в конторе лежал журнал смены, который оказался опаснее мёртвой красавицы из угольного пласта.

Глава 4. Журнал смены

Утро после исчезновения Карнаухова началось не с рассвета.

Началось оно с тишины.

Такой тишины, которая бывает только в маленьких посёлках после плохой ночи. Люди уже проснулись, уже затопили печи, уже вынесли ведра, уже пошли за хлебом, но говорят тише обычного и стараются не задерживаться у чужих калиток. Посёлок ещё не знает всех подробностей, но уже чувствует: случилось что-то такое, о чём лучше не спрашивать слишком громко.

Корнеев пришёл в прокуратуру раньше машинистки.

В коридорах было холодно. Деревянный пол поскрипывал под шагами, на подоконниках серел пепел от выброшенных окурков, в кабинете пахло пылью, чернилами и старой бумагой. Сергей снял пальто, не вешая, бросил его на спинку стула и сразу сел к столу.

Ночь он почти не спал.

Не потому, что мучила совесть — для такой роскоши он был слишком зол. Его мучила ясность. Он всё видел по порядку: синяя калитка, босые ноги Нины на сырой земле, ребёнок, заплакавший в доме, и чёрная машина, в которую Карнаухов сел не как человек, согласившийся ехать, а как человек, которого уже успели отделить от собственной воли.

Сергей вытащил блокнот и ещё раз переписал по памяти всё, что успел услышать накануне.

«След на запястье».

«Открыла глаза».

«Ищите журнал смены».

Он обвёл последнюю фразу дважды.

Потом поднялся, открыл сейф, достал чистую папку и завёл дело пока без номера — просто под временной пометкой. Такие папки он не любил. В них всегда жило ощущение, что настоящего расследования тебе не дадут, а ответственность всё равно повесят.

В дверь постучали коротко, без вежливости.

Вошёл участковый Павел Ильич.

Вид у него был такой, будто он уже успел поругаться с погодой, начальством и собственной печенью.

— Не спал? — спросил он.

— А ты?

— Мне по возрасту положено спать плохо, — буркнул тот. — А тебе ещё рано.

Корнеев молча подвинул ему стул.

Павел Ильич сел, достал папиросы, потом посмотрел на табличку «Не курить» на стене и, подумав, всё-таки закурил.

— Был у Нины с утра, — сказал он. — Домой не вернулся.

— Ждала?

— До рассвета сидела одетая. Потом мальчишка уснул у неё на руках. Сейчас вроде держится. Но если честно — держится хуже, чем надо.

— Кто-нибудь из соседей видел, куда поехали?

— Видели машину. Номер — никто. Марку — тоже через одного. Для одних «Волга», для других «уазик», для третьих вообще «чёрная». Как всегда, когда люди смотрят на страх, а не на железо.

Корнеев кивнул.

— Мне нужен разрез.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Думаешь, журнал ещё там?

— Думаю, если Карнаухов успел это сказать, значит, журнал либо не успели подменить, либо подменили не до конца.

Павел Ильич посмотрел на него внимательно.

— Ты всё ещё считаешь, что это про ларец?

Сергей не ответил сразу.

— Нет, — сказал он наконец. — Ларец — это шум. А журнал — это то, что люди прячут, когда боятся не чудес, а дат, фамилий и времени.

Участковый крякнул.

— Ну, поехали тогда ловить бумагу.

На разрезе утром было холоднее, чем в посёлке.

Ветер гулял по уступам свободно, не задерживаясь ни за чем, кроме редких штабелей досок и брошенных бочек у конторки. Техника стояла молча. Рабочие ходили с лицами, на которых смешались недосып, любопытство и заранее выученная осторожность. После оцепления и чужих машин разрез перестал быть просто местом работы. Теперь это было место, о котором люди будут рассказывать внукам, каждый по-своему и почти всегда шёпотом.

Корнеев сразу заметил, что обстановка изменилась.

Посторонних разогнали. У конторки дежурил местный охранник. Чужих плащей на виду не было. Но это ничего не значило. Люди такого рода редко исчезают совсем. Чаще просто отходят в тень, чтобы не мешать местным объяснять происходящее самим себе.

Начальник участка встретил их с лицом человека, которого за последние сутки успели несколько раз заставить сказать «не знаю».

— Опять вы, — выдохнул он.

— А вы ждали кого-то приятнее? — спросил Корнеев.

— Я вообще сегодня никого не ждал.

— Это не освобождает от обязанности хранить документы.

Сергей вошёл в конторку, не дожидаясь приглашения.

Внутри пахло угольной пылью, табаком, сырой одеждой и керосином от маленькой печки в углу. На стене висели план участка, плакат по технике безопасности и календарь с июльской девушкой в кукурузном поле — кто-то забыл оторвать листы, и теперь лето на картинке смотрелось почти издевательством.

— Журнал смены, — сказал Корнеев.

Начальник участка моргнул.

— Какой именно?

— Не играйте со мной с утра. Суточный, диспетчерский, выходов, осмотров — все.

— Зачем?

— Затем, что у вас на участке нашли объект, после чего одного из рабочих увезли неизвестные, а мне перед исчезновением успели передать именно эту фразу.

Начальник участка побледнел заметнее прежнего.

— Кто передал?

— Карнаухов.

В комнате стало тихо.

Павел Ильич встал у двери, будто случайно, но так, что выйти теперь можно было только мимо него.

— Тащите журналы, — сказал участковый.

— У меня распоряжение... — начал начальник.

— Чьё? — резко спросил Корнеев.

Тот замолчал.

— Вот именно, — сказал Сергей. — Тащите.

Журналы принёс диспетчер — тонкий, ранне облысевший мужчина с нервными руками. Он нёс их так, словно они весили больше угля. На стол легли толстые тетради в потёртых обложках, замызганные книги учёта, отдельные листы, подшитые бечёвкой.

Корнеев сел и раскрыл первую.

Сначала всё было обыденно. Смена заступила. Техника вышла. Взрывные работы проведены. Осмотр произведён. Подписи. Время. Имена. Именно такая бумажная скука и спасает правду лучше всего: ложь редко умеет быть по-настоящему будничной.

Он пролистывал страницы быстро, но внимательно.

Павел Ильич стоял рядом и молчал.

Диспетчер дышал слишком шумно.

Начальник участка старался делать вид, что ему нет дела до того, на какой строке остановится следователь.

И вдруг Корнеев увидел.

На странице за вчерашнее число одна запись была вписана поверх другой. Не грубо, не как школьная пометка — умнее. Сначала затёрли лезвием, потом подправили чернилами. Для человека со стороны — ничего особенного. Для того, кто каждый день имеет дело с показаниями, это выглядело как синяк под тональным кремом.

— Это что? — спросил Сергей, не поднимая головы.

— Где? — слишком быстро откликнулся диспетчер.

— Вот здесь. Время окончания первичного осмотра вскрыши.

— Ошиблись, наверное.

— Кто?

— Ну... я.

Корнеев поднял глаза.

— Вы ошиблись сначала или потом?

Диспетчер открыл рот и закрыл его.

— Что было написано до исправления? — спросил Павел Ильич.

— Не помню.

— А вы попробуйте, — мягко сказал Корнеев. — Это полезно.

Он перелистнул назад. Ещё одна странность.

В графе состава бригады значились не все фамилии, которые он слышал накануне. Двое рабочих были вписаны, один — отсутствовал. Зато появилась отметка о присутствии «специалиста из района», хотя никто из местных об этом не говорил.

— Кто такой специалист из района? — спросил Сергей.

Начальник участка вытер ладонью шею.

— Приезжал... консультант.

— Фамилия?

— Не знаю.

— Он расписывался?

— Нет.

— То есть на режимный, как вы теперь пытаетесь изобразить, объект приезжает неизвестный специалист без фамилии и без подписи, а вы заносите его в журнал?

— Мне сказали внести, — тихо сказал диспетчер.

— Кто?

Молчание.

Корнеев закрыл журнал и посмотрел на начальника участка.

— Вы понимаете, что сейчас делаете хуже не мне, а себе?

— Я ничего не делаю.

— Ошибаетесь. Вы уже сутки очень активно не говорите.
Это попало.

Начальник участка тяжело сел на стул и вдруг стал старше лет на десять. Не от возраста — от бесполезности сопротивления.

— Вчера днём приезжали двое, — сказал он тихо. — С удостоверениями. Один в сером плаще, другой моложе. Сказали, что всё, что касается находки, отныне идёт через них. Журнал велели проверить. Лишние фамилии — убрать. Время открытия — поправить.

— Зачем поправить?

— Чтобы не было самодеятельности.

— Что именно вы исправили?

Начальник участка сглотнул.

— Сначала там стояло, что вскрытие произвели в тринадцать сорок. Потом велели поставить пятнадцать десять.

— Почти полтора часа, — сказал Павел Ильич.

— За эти полтора часа что-то ещё произошло? — спросил Корнеев.

Никто не ответил.

Сергей взял карандаш, аккуратно пометил страницу и открыл следующий журнал — журнал выдачи инструмента и нарядов. Тут ложь пряталась менее умело. Вчерашний лист был вынут и вставлен заново: отверстия от скоб не совпадали.

— А это?

Диспетчер побледнел.

— Не знаю.

— Уже второй раз за утро. День у вас тяжёлый.

Сергей осторожно вытащил лист. На обороте проступали следы копирки. Он поднёс страницу к окну. Иногда бумага говорит охотнее, чем люди.

Под давлением пера на соседнем листе остался вдавленный след строки.

Не всё, только обрывок.

«...вызван фельд...»

И ниже, почти неразличимо:

«...ларец поднят до приб...»

Корнеев почувствовал, как внутри всё собирается в точку.

— Фельдшер или врач? — спросил он.

Диспетчер зажмурился.

— Врач.

— Зачем вызывали врача до официального вскрытия?

— Потому что... — он запнулся. — Потому что один из рабочих сказал, что там человек.

В комнате стало очень тихо.

Даже печка в углу будто перестала потрескивать.

— Какой рабочий? — спросил Сергей.

— Карнаухов.

Павел Ильич медленно выдохнул через нос.

— Значит, Карнаухов увидел женщину ещё до того, как приехали ваши «консультанты», — сказал Корнеев. — И врач вызвали раньше, чем потом записали в журнале.

— Я не хотел ничего менять, — тихо сказал диспетчер. — Мне велели.

— Кто?

— Тот, в плаще.

— Фамилия.

— Не сказал.

— Показал удостоверение?

— Показал.

— Запомнили хоть буквы?

Диспетчер беспомощно покачал головой.

Корнеев закрыл глаза на секунду.

Вот она. Не мистика. Не легенда. Простая, грубая, знакомая суть любой большой лжи: сначала меняют время. Потом — состав присутствующих. Потом — смысл произошедшего. А через пару дней люди уже сами не уверены, что вообще видели что-то своими глазами.

— Эти журналы я забираю, — сказал он.

Начальник участка вскинулся:

— Мне запрещено.

— Кем?

— Мне сказали — документы не выносить.

— А мне закон велит изымать доказательства, если есть основания считать, что они будут изменены. Основания у меня уже на столе.

Павел Ильич коротко кивнул. В этот момент он явно решил, что лучше быть рядом с законным упрямством, чем с незримой властью, которая не любит оставлять подписи.

— Оформляем выемку, — сказал участковый.

Диспетчер, кажется, едва не сел мимо стула.

Начальник участка закрыл лицо рукой.

Корнеев достал бланк, ручку и начал писать. Формулировки ложились ровно и почти успокаивали. «Произвести выемку...» «В присутствии...» «Во избежание утраты или искажения...» Бумага давала ту иллюзию порядка, без которой следователь быстро сходит с ума.

Они уже почти закончили, когда в дверях конторки появился молодой мужчина в знакомом тёмном плаще.

Он вошёл без стука, оглядел всех, задержал взгляд на журналах и только потом сказал:

— Интересно работаете.

Корнеев не сразу поднял голову.

— А вы интересно опаздываете.

Молодой чуть улыбнулся.

— Мне сообщили, что здесь происходит несанкционированное изъятие производственной документации.

— Кто сообщил?

— Люди на месте.

— Люди на месте теперь сообщают быстрее официальных органов?

— Иногда да.

Он подошёл ближе. Лицо было то же, что на разрезе вчера, и у дома Карнаухова ночью. Спокойное, будто вырезанное из дерева. Такие лица неприятны тем, что на них почти ничего нельзя прочесть, кроме уверенности в собственной безнаказанности.

— Эти документы относятся к материалам особого порядка, — сказал он.

— С каких пор журнал смены относится к особому порядку? — спросил Корнеев.

— С тех пор, как в нём отражены сведения о находке.

— Вот именно поэтому он и нужен мне.

Молодой перевёл взгляд на бланк выемки.

— Вы совершаете ошибку.

— Возможно, — сказал Корнеев. — Но документированную.

Мужчина усмехнулся уголком рта.

— Вы очень любите бумагу, товарищ следователь.

— А вы очень не любите, когда она остаётся не у вас.

На секунду их взгляды встретились, и Сергей понял: этот человек моложе того, седого, но опаснее. В седом была усталость системы. В этом — вера в неё.

— Верните журналы, — сказал молодой.

— Нет.

— Тогда мне придётся зафиксировать препятствие работе.

— Фиксируйте, — ответил Корнеев. — Только сначала назовите свою фамилию.

Мужчина помолчал.

Потом вынул удостоверение, раскрыл и тут же захлопнул. Настолько быстро, что Павел Ильич только хмыкнул.

— Этого достаточно, — сказал тот.

— Нет, — спокойно ответил Корнеев. — Но спасибо за спектакль.

Начальник участка побледнел окончательно. Диспетчер отвёл глаза. Они оба уже понимали, что оказались между двух бумаг: подписанной и неподписанной, официальной и фактической, и за ошибку расплачиваться будут они, а не люди в плащах.

Молодой сделал ещё шаг к столу.

— Последний раз прошу: оставьте документы здесь.

— Последний раз отвечаю: нет.

Пауза затянулась.

Потом мужчина неожиданно отступил.

— Хорошо, — сказал он. — Забирайте.

Это было сказано слишком легко.

Именно поэтому Корнеев насторожился сильнее, чем если бы тот начал угрожать.

— Но? — спросил он.

— Но некоторые вещи лучше не читать в одиночку, — ответил молодой. — Особенно если не знаете, кто их писал до вас.

Он развернулся и вышел.

Дверь закрылась мягко.

Несколько секунд никто не двигался.

— Это что сейчас было? — хрипло спросил диспетчер.

— Предупреждение, — сказал Павел Ильич.

— Или приглашение, — тихо поправил Корнеев.

Он быстро собрал журналы, завернул их в серую бумагу и перевязал шпагатом. Руки работали спокойно, но внутри уже возникло знакомое ощущение: теперь начнётся настоящий нажим. До этого его просто отодвигали. Теперь заметили как помеху.

На улице ветер стал сильнее.

Они с участковым вышли из конторки молча. Рабочие смотрели издали, будто пытались понять, кто победил. Но в таких историях никто не побеждает утром. Утро только показывает, что ночь не успела спрятать.

У машины Павел Ильич остановился.

— Думаешь, в этих тетрадях ещё что-то есть?

— Есть, — сказал Корнеев. — Иначе Карнаухов не рискнул бы это передать.

— Иначе его не увезли бы.

Сергей посмотрел на свёрток с журналами.

Бумага была тёплой от рук, но ощущалась как холодный груз.

— Знаешь, что здесь самое плохое? — спросил он.

— Ну?

— Они правят не легенду. Они правят хронологию. А когда у тебя отнимают время, у тебя отнимают правду.

Павел Ильич кивнул.

— Куда теперь?

— В прокуратуру. Читать.

— Один?

— Да.

Участковый посмотрел на него так, будто хотел возразить, потом махнул рукой.

— Если к вечеру не выйдешь — я сам приду.

— Взламывать дверь?

— Не исключаю.

Корнеев сел в машину, положил свёрток рядом и вдруг заметил на серой обёрточной бумаге тонкую угольную полоску. Как будто кто-то нечаянно провёл грязным пальцем.

Нет.

Не нечаянно.

Он поднял свёрток ближе к свету.

На бумаге, почти неразлично, были выведены две буквы и цифра:

«Л-2».

Сергей замер.

Это могло быть чем угодно: отметкой склада, номером листа, случайным мазком.

Но случайные мазки редко пишут буквы.

Он очень осторожно перевернул свёрток. Больше ничего.

— Что там? — спросил Павел Ильич.

Корнеев показал.

Участковый прищурился.

— Л-2... Это что?

Сергей смотрел на серую бумагу и уже чувствовал, как история начинает менять направление.

— Не знаю, — сказал он. — Но это явно написали не для начальника участка.

— А для кого?

Он вспомнил спокойное лицо молодого в плаще, его странно лёгкое согласие отдать журналы и фразу о том, что некоторые вещи лучше не читать в одиночку.

— Для того, кто поймёт, что искать дальше, — ответил Корнеев.

Он завёл мотор.

Теперь у него было не только исчезновение свидетеля и подправленное время в журнале.

Теперь у него появилась метка.

И если «Л-2» было не ловушкой, а подсказкой, значит, кто-то внутри этой чужой, глухой системы уже начал говорить с ним без слов.

Глава 5. Метка «Л-2»

До обеда в прокуратуре было относительно спокойно.

«Относительно» — потому что спокойствие в районных органах всегда условное: один пьянка, другой мелкая кража, третий семейная драка, которые жили по своим, понятным законам. На их фоне дело о каменном ларце выглядело чужеродным телом. Его ещё не приняли, но уже боялись трогать.

Корнеев сидел в своём кабинете с завязанным шпагатом свёртком на столе.

Серая бумага, тонкая угольная полоска, две буквы и цифра — «Л-2». Маленькая метка, которая могла означать что угодно: от номера листа до обозначения некоего «Листа 2» в другом, ещё более важном деле. Но главное — это было человеческое вмешательство. Кто-то из «там» оставил знак «сюда смотри».

Он аккуратно разрезал шпагат, как хирург разрезает бинт.

Павел Ильич сидел у окна, курил в форточку и делал вид, что дым вылетает на улицу. На самом деле половина оставалась в кабинете и смешивалась с запахом бумаги и чернил.

— Напоминаю, — сказал он, — я всё ещё считаю, что читать такие вещи одному — плохая примета.

— Я не один, — ответил Сергей. — Ты здесь.

— Это не всегда помогает.

Первым он развернул журнал смены, тем самым листом, где уже видел подправленное время и «специалиста из района». Метка «Л-2» к нему не относилась. Значит, искать надо дальше.

Он переложил журнал, взял следующий — книгу выдачи нарядов.

Первая страница была обычной: дата, список работ, фамилии. Вторая — тоже. На третьей, внизу, в графе «Примечания», мелким, кривым почерком было выведено: «Л-1 см. в акте».

Сергей почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

— Нашёл? — спросил Павел Ильич.

— Нашли нас, — сказал Корнеев.

Он достал из свёртка ещё одну тетрадь — тоньше, с надписью «Акты о происшествиях». Перелистал несколько листов, пока не увидел в правом верхнем углу маленькую, почти невидимую цифру «2», выведенную тем же угольным оттенком, что и метка на обёртке.

«Л-2».

Акт был составлен на предшествующий дню нахождения ларца.

«...В ходе вскрышных работ... обнаружен каменный объект правильной формы, покрытый породой. Работы на участке временно приостановлены. О факте обнаружения доложено начальнику участка».

Подписи: мастер, начальник смены.

И ниже, другим почерком, явно вписанным позже:

«До прибытия представителей...» — слово было закрашено, но угадывалось — «органов госбезопасности» или «области»; кто-то тщательно затёр — «...объект не вскрывать».

Корнеев провёл пальцем по бумаге.

Чернила верхнего слоя были чуть свежее, но глаз это почти не различал. Если бы не угольная пометка, он бы пролистал этот акт как обычный.

— Видишь? — показал он участковому.

— Вижу, — кивнул тот. — Кто-то очень не хотел, чтобы в акте осталось, кто именно.

— А кто-то очень хотел, чтобы мы увидели, что здесь что-то убрали.

Павел Ильич затушил папиросу.

— Ты думаешь, это один из наших?

— Нет.

— Тогда кто?

— Тот, кто писал акт под их диктовку, а потом оставил угольную метку. Рабочий, мастер, диспетчер... Кто угодно. Кто понял, что одним госправлением чернил его лишили кусочка собственной правды.

Они помолчали.

— Л-1, Л-2... — проговорил вслух участковый. — Может, есть ещё?

Сергей стал листать актовую книгу дальше. На нескольких листах были криво выведенные цифры в углу: «3», «4», «5» — но без буквы. Обычная внутренняя нумерация. Настоящих меток больше не было.

— Значит, «Л-2» — единственное, — сказал он. — Мне этого достаточно.

Он подвинул к себе чистый лист и начал писать черновик постановления о возбуждении дела. Формулировки были осторожными, но твёрдыми: «...в связи с выявленными несоответствиями в учётной документации...», «...с целью проверки сведений о возможном сокрытии информации...». Он не писал «Тисульская принцесса» и не писал «ларец». Писал: «объект».

В дверь постучали.

На пороге появилась машинистка с серым конвертом в руках.

— Сергей Андреевич, вам из области.

— С утра? — удивился он.

— С утра, — подтвердил Павел Ильич. — Быстро работают.

Конверт был плотный, без обратного адреса. Только штамп и подпись «срочно». Внутри — короткое, напечатанное на машинке письмо:

«В связи с проведением мероприятий по линии органов государственной безопасности, связанных с обнаружением древнего захоронения на территории Тисульского района, просим сосредоточить усилия районной прокуратуры на поддержании общественного порядка и недопущении распространения непроверенных сведений среди населения. Все материалы, касающиеся указанного факта, подлежат передаче по отдельному требованию. Самостоятельное возбуждение дел и проведение следственных действий по данному факту считаем преждевременным».

Подпись.

Должность.

Фамилию можно было прочесть, но она мало что говорила.

— Ну вот, — сказал Павел Ильич. — Дождались.

Корнеев положил письмо рядом с актом.

— Интересная последовательность, — заметил он. — Сначала они правят наши журналы. Потом они забирают нашего свидетеля. И только потом считают «преждевременным» возбуждение дела.

— Ты слишком внимательно читаешь, — вздохнул участковый.

— Это моя работа.

Он аккуратно сложил письмо и убрал в папку к актам.

— И что теперь? — спросил Павел Ильич.

— Теперь — всё то же самое. Только осторожнее.

— Ты всё равно будешь продолжать?

— Да.

— Знаешь, чем это кончается?

— Знаю, — сказал Сергей. — Иногда — переводом. Иногда — выговором. Иногда — чем-то похуже. Но, Павел Ильич, — он впервые за утро посмотрел тому прямо в глаза, — хуже всего это кончается, когда ты кладёшь дело в сейф и делаешь вид, что его не было.

В это же время в больнице Вера Лаврентьева пыталась заниматься обычными делами.

Она обходила палату с температурными листами, слушала кашель, ставила отметки. В одной палате девочка с ангиной, в другой — старик с сердцем. Всё знакомо, всё объяснимо, всё лечится по инструкции. Только руки иногда внезапно замирали, когда она брала фонендоскоп: всплывал в памяти другой холод — вязкий, стеклянный, не похожий ни на один, что она знала до этого.

К обеду к ней зашёл главврач.

Он был вечно аккуратно одет, с неизменной папкой под мышкой, со взглядом человека, чья главная болезнь — отчётность. Вера знала его уже пятый год и могла почти по походке определить, с чем он идёт: с приказом, с разнесом или с «просьбой сверху».

Сейчас это была явно не просто бумага.

— Вера Николаевна, — сказал он, закрыв за собой дверь ординаторской. — Можно на минутку?

— Конечно.

Он сел не на стул, а на край стола — плохой знак. Листы в его папке были уже раскрыты на нужном месте.

— Вы вчера выезжали на разрез, — начал он.

— Да.

— Дали письменное заключение?

— Да.

— У меня его попросили.

— Кто?

«Кто» звучало почти лишним. Вера и сама понимала.

— Из области, — осторожно ответил главврач. — Очень просили содействовать. И одновременно... — он достал лист, на котором стоял её почерк, и положил перед ней. — Попросили обратить внимание на формулировки.

Вера посмотрела на бумагу, как на чужую.

«...признаков активной жизнедеятельности не обнаружено...» — всё верно.

«...гнилостных изменений мягких тканей, характерных для трупов с давностью смерти более... не выявлено...»

«...имеется след от инъекции в области запястья...»

Ей даже немного полегчало: она не писала ничего лишнего. Только увиденное.

— Конкретно — на это, — сказал главврач и ткнул пальцем в строку про инъекцию. — И на отсутствие указания на давность смерти.

— Я не могу указать давность, если не знаю, — спокойно сказала Вера. — Это было бы уже не заключение врача, а фантазия.

— От вас не требуют фантазий, — попытался улыбнуться главный. — От вас требуют... — он поискал слово, — корректности.

— В чём некорректность?

Он помялся.

— Понимаете, Вера Николаевна... — он понизил голос. — Сходили «гости». Очень интересовались, почему вы зафиксировали след от укола. Спросили: а может, это артефакт, особенность... древней обработки... или как там.

— Укол не бывает древним, — ответила Вера. — Он либо есть, либо его нет.

Главврач устало потер лоб.

— Вы умная женщина. И не первый день работаете. Вы же понимаете, что сейчас стоит вопрос не о науке.

— О чём тогда?

— О порядке.

Это слово снова прозвучало, как в устах человека в плаще у разреза.

Вера почувствовала, как внутри поднимается злость — не бурная, а тяжёлая.

— То есть вы предлагаете мне переписать своё заключение?

— Я предлагаю... — он снова искал оправдание, — смягчить формулировки. Убрать то, что может трактоваться неоднозначно. Они говорят, что это всё равно не пригодится для науки, а вот для разговоров — очень пригодится.

— Они, — спокойно сказала Вера, — не стояли рядом с этим ларцом и не трогали её кожу рукой. Они не видели, как дрогнули веки. Они ничего не измеряли и ничего не проверяли. Они просто приехали с уже готовым объяснением. Я даю своё.

Главврач посмотрел на неё долгим взглядом человека, который одновременно уважает и боится.

— Я не могу вас заставить, — сказал он. — Но я обязан предупредить.

— О чём?

— О том, что люди, которые «интересовались», умеют портить жизнь не хуже любой болезни.

— Болезни хотя бы видны на рентгене, — ответила Вера.

Он вздохнул.

— Формально, — заговорил он сухим, служебным тоном, — у меня есть право направить вас на внеплановую аттестацию, поднять ваши старые истории болезни, проверить жалобы... Вы понимаете, к чему я клоню.

— Понимаю.

— Я не хочу этого делать. Но если сверху скажут «посмотреть внимательно», мне придётся.

— Тогда пусть скажут, — тихо сказала она. — Я всё равно не буду писать, что след от укула — «особенность древней обработки».

Они помолчали.

— Ладно, — сказал главврач. — Ваше заключение я пока никому не отдавал. Они хотели забрать оригинал. Я сказал, что нужен дубликат. Возьмите, — он снова протянул ей лист. — Подумайте до вечера. Если решите что-то изменить — перепишем. Если нет — я отправлю как есть. Но тогда... — он не договорил.

Его «но» повисло в воздухе, как диагноз без озвученного названия.

Когда он ушёл, Вера ещё долго сидела, не притрагиваясь к бумаге.

Ей казалось, что лист стал тяжелее. Как будто на нём теперь лежали не только её слова, но и чья-то чужая воля.

Она взяла ручку, перечеркнула слово «имеется» и написала рядом:

«Зафиксирован след, сходный по виду со следом от инъекции, происхождение которого в данных условиях не представляется возможным определить».

Получилось длиннее, осторожнее и формально безопаснее. Но суть оставалась прежней: след есть. Она не собиралась его стирать.

Она положила заключение в папку, глубоко вдохнула и поняла, что, возможно, это и есть её личный выбор в этой истории: не бороться с системой кулаками, а просто не позволять ей выпускать из рук факты.

К вечеру Корнеев снова зашёл в больницу.

На этот раз он не стал просить приём через регистратуру, просто поднялся по знакомой лестнице. Вера сидела в ординаторской, смотрела в окно и крутила в пальцах ручку.

— Я писал постановление, — сказал Сергей вместо приветствия. — А мне прислали письмо из области: «не лезьте». У вас что?

— У меня были, — ответила она. — Хотят, чтобы я «скорректировала» заключение.

— Скорректировали?

— Нет. Только обернула словами так, чтобы им было сложнее придаться.

Он сел на стул напротив.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда у нас с вами пока ещё есть общая реальность.

— Насколько «пока»? — спросила она.

— Столько, сколько мы успеем её записать, — ответил он. — Потом за нас будут писать другие.

Они какое-то время молчали, слушая, как в коридоре кто-то гремит тазиком.

— Я нашёл акт, — тихо сказал он. — Тот самый, который кто-то пытался поправить. И пометку «Л-2».

— Это что?

— Не знаю до конца. Но там есть фраза: «До прибытия представителей... объект не вскрывать». Значит, кто-то это сделал раньше. И значит, официальная версия — уже не первая.

— И где тот, кто сделал раньше? — спросила Вера.

Корнеев вспомнил синюю калитку, Нину босиком на земле и глаза Карнаухова в свете фар.

— В машине, — сказал он. — Которую мы пока не можем найти.

Он поднялся.

— Я буду к вам ещё приходить, — добавил он. — Не только как к врачу. Как к человеку, который видел то же, что и я, но под другим углом.

— Я буду здесь, — сказала Вера. — Пока.

Когда он вышел из больницы, темнеть ещё не успело. Но небо над Тисулем было уже вязким, свинцовым, без просветов. Где-то далеко, за разрезом, тонко, почти по-детски завыл поезд.

Сергей посмотрел в ту сторону, где под чёрной землёй лежал каменный ларец, а где-то между страницами журналов — чужая рука с угольной меткой «Л-2».

Теперь эта история была не только легендой о «принцессе».

Это была история о том, как люди пытаются спрятать своё вчера, пока часть из них ещё умеет оставлять знаки для тех, кто всё-таки решит его найти.

Глава 6. То, что нельзя было вскрывать

Корнеев понял, что самое опасное в этой истории — не молчание.

Самое опасное — это когда начинают подсказывать, о чём именно молчать.

После письма из области и разговора с Верой Лаврентьевой он уже не сомневался: кто не просто прикрывает находку, а выстраивает вокруг неё правильную, удобную последовательность. Сначала — «легенда». Потом — «особый порядок». Потом — «непроверенные сведения». И в конце обязательно получится, что никаких свидетелей не было, врач ничего существенного не заметил, а журнал смены сам по себе ошибся во времени.

На столе у него лежали изъятые тетради, письмо из области и акт с меткой «Л-2».

За окном стоял тусклый полдень, от которого не становилось светлее. В коридоре кто-то быстро прошёл, хлопнула дверь, в соседнем кабинете зазвонил телефон. Всё это были обычные звуки учреждения, где люди привыкли иметь дело с понятным злом: воровством, драками, подлогом, побоями. Но с каждым часом Корнеев всё яснее чувствовал, что нынешнее дело опаснее именно потому, что его упорно пытаются сделать непохожим на преступление.

Он снова разложил журналы.

Теперь искал не только исправления, но и чужой ритм в бумаге: где записывали сразу, а где дописывали потом; где привычная канцелярская скука, а где вдруг появлялось слишком умное, слишком осторожное слово.

В актовой тетради, на обороте листа с меткой «Л-2», под копиркой проступал едва различимый текст. Он был стёрт так, что обычный человек бы и не заметил. Но если долго смотреть на бумагу под углом к свету, вдавленные линии начинали жить собственной теневой жизнью.

«...при вскрытии обнаружена прозрачная жидкость...»

Ниже:

«...цвет с розово-синим отливом...»

Ещё ниже, уже почти невидимо:

«...кожные покровы сохраняют...»

Сергей поднёс лист ближе к окну.

— Что там? — спросил Павел Ильич.

— Кто-то пытался описать её до того, как описание запретили.

— Её? Или жидкость?

— И то и другое.

Участковый подошёл ближе. Шурился, но видел уже хуже.

— Читается?

— Не до конца.

— А если карандашом?

— Пока не надо. Испортим.

Корнеев осторожно положил лист обратно. Он уже понял главное: на месте успели составить не просто первичную запись о находке, а почти осмотр. Кто-то начал делать то, что и должен был делать при любой аномальной находке: фиксировать видимое. А потом этот кто-то либо струсил, либо его заставили замолчать.

— Мне нужен тот, кто это писал, — сказал Сергей.

— Мастер? Диспетчер?

— Или врач, если её подпускали раньше официального времени.

Павел Ильич подумал.

— Ты к Лаврентьевой снова пойдёшь.

— Пойду.

— И к разрезу вернёшься.

— Вернусь.

— Тебя там уже ждут.

— Пусть.

Он закрыл тетрадь и убрал в папку отдельным блоком всё, что касалось «Л-2». Это было не доказательством в чистом виде, а трещиной. Но хорошие расследования часто начинаются именно с трещины — с несоответствия, которое нельзя объяснить простой небрежностью.

Вера Лаврентьева не любила, когда память навязывалась телом.

Умом она ещё могла держаться за привычный распорядок: перевязки, обход, назначения, температура, жалобы. Но тело всё равно помнило то, что не вписывалось ни в учебники, ни в практику. Холод той жидкости остался у неё в пальцах так отчётливо, будто она только что опускала руку под крышку ларца.

К вечеру больница немного стихла. В коридорах стало просторнее, санитарки говорили тише, даже двери хлопали уже без дневной злости. Вера сидела в ординаторской одна и переписывала назначения, когда в дверь снова постучали.

На этот раз это был не главврач.

Корнеев вошёл без лишних слов, прикрыл за собой дверь и сразу понял по её лицу: день и у неё выдался тяжёлый.

— Были ещё? — спросил он.

— Были, — кивнула Вера. — Не сами. Через главврача. Хотят, чтобы слова стали мягче.

— Стали?

— Нет. Только длиннее.

Он сел напротив.

— Мне нужно, чтобы вы вспомнили всё максимально точно. Не как человек, испугавшийся странного. Как врач.

Она устало усмехнулась.

— А вы умеете просить.

— Умею только так.

Вера отложила ручку.

Некоторое время молчала, будто собирала в голове не образы, а порядок их появления.

— Когда меня привезли, — сказала она наконец, — крышка уже была сдвинута, но прикрыта. Значит, открывали раньше. Не при мне.

— Это совпадает с журналом, — тихо сказал Корнеев.

— Внутри была жидкость. Прозрачная, но не бесцветная. Не вода. Я бы сказала... с холодным розоватым и голубым оттенком, если смотреть под углом. Не мутная, не маслянистая в обычном смысле, но плотнее воды на ощущение. Рука входила в неё не так, как в воду. Словно сопротивление было другим.

— Запах?

— Почти никакого. И это странно. Не было гнили, не было формалина, не было спирта. Был слабый холодный запах... как после грозы на камне. Глупо звучит.

— Не глупо.

— Когда я коснулась кожи, — продолжила она, — было ощущение не трупной плотности и не живого тепла. Кожа была упругая, но охлаждённая. Не ледяная. И ещё — ногти, волосы, веки... слишком сохранные для того, что мне показывали как древний объект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.